УДК 327
EDN: PQFKJK
DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420264157

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ: ПРЕДЕЛЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ

Игорь Сергеевич Дорошенко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, e-mail: is.doroshenko@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6814-1252

Ссылка для цитирования: Дорошенко И.С. Военная политика Финляндии и Швеции: пределы либеральной модели безопасности // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2026. № 4. С. 41–57. DOI: 10.15211/vestnikieran420264157

Аннотация. *В статье поставлен вопрос, существовала ли для Финляндии и Швеции альтернатива вступлению в НАТО, и как сделанный выбор отразился на военно-политической обстановке в регионе. Критический анализ выявил фундаментальные ограничения либеральной концепции: завышение роли институтов в условиях геополитической конкуренции и недооценку структурных императивов анархической международной системы. Логика реализма убедительнее объясняет конечный результат: государства, независимо от идеологии и предпочтений элит, вынуждены адаптироваться к структурным реалиям распределения силы. Показано, что отказ от политики неприсоединения был предопределён балансом сил, а интеграция в НАТО после 2014 г. создала «эффект колеи» для последующего членства. Исследование вносит вклад в понимание стратегий малых государств и геополитической ситуации в регионе.*

Ключевые слова: *Финляндия, Швеция, НАТО, теория укрытия, внешнеполитические сценарии действий, малые государства, региональная безопасность, структурный реализм, Арктика, НОРДЕФКО.*

Статья поступила: 27.01.2026; после доработки: 03.09.2026; принята к печати: 07.09.2026.

THE DEFENCE POLICY OF FINLAND AND SWEDEN: THE LIMITS OF THE LIBERAL SECURITY MODEL

Igor S. Doroshenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: is.doroshenko@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6814-1252

© Дорошенко Игорь Сергеевич – соискатель РАНХиГС; второй секретарь Представительства МИД России в г. Санкт-Петербурге.

To cite this article: Doroshenko, I.S. (2026). The defence policy of Finland and Sweden: the limits of the liberal security model. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 52(4): 41–57. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran420264157

Abstract*. The article examines whether alternatives to Finland's and Sweden's NATO membership existed. Critical analysis reveals fundamental limitations of liberal-institutionalist concepts: the overestimation of institutions' role under conditions of geopolitical competition and the underestimation of structural imperatives inherent to the anarchic international system. Realist logic more convincingly explains the outcome: states, regardless of ideology and elite preferences, are compelled to adapt to structural realities of power distribution. The study demonstrates that the abandonment of non-alignment policy was structurally predetermined by the balance of power, while integration into NATO after 2014 created a "path dependence" effect for subsequent membership. The research contributes to understanding small state strategies and the geopolitical situation in the region.*

Key words*: Finland, Sweden, NATO, shelter theory, foreign policy repertoires, small states, regional security, structural realism, Arctic, NORDEFCO.*

Article received: 27.01.2026; revised: 03.09.2026; accepted: 07.09.2026.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО ознаменовало завершение эпохи их нейтралитета, длившейся более двух веков в случае Швеции и около и 70 лет – в случае Финляндии. Этот геополитический сдвиг фундаментально трансформировал архитектуру безопасности не только в Балтийском регионе, но и на Крайнем Севере, где все арктические государства, за исключением России, стали членами одного военного альянса.

Настоящее исследование предлагает методологический подход, основанный на следующем пофазном анализе: сначала реконструируется теоретическая «модель», которой руководствовались при принятии внешнеполитических решений в Хельсинки и Стокгольме на протяжении постбиполярного периода; затем анализируется, как эта модель применялась на практике; далее оценивается результат с точки зрения обеспечения безопасности и суверенитета; после чего проводится критический анализ концептуальных слабостей матрицы; и, наконец, предлагается альтернативная интерпретация событий с позиций политического реализма, которая убедительнее объясняет конечный результат.

Центральный тезис статьи: либерально-институционалистские и конструктивистские концепции, доминировавшие в северном академическом и политическом дискурсе, сформировали определённую «модель» понимания безопасности малых государств. Предполагалось, что безопасность обеспечивается посредством институционального участия, нормативного влияния, функционального сотрудничества и конструирования идентичности «умного малого государства». Однако при столкновении с геополитической конкуренцией великих держав эта модель продемонстрировала свою несостоятельность, и логика реализма – структурные императивы анархической международной системы – «сломала» конструктивистские построения.

Исследование охватывает период с 1990 по 2022 г.: от окончания холодной войны до решения о подаче заявок на членство в НАТО. Основной акцент сделан на анализе внешнеполитического измерения трансформации, хотя внутриполитические факторы также учитывались в той мере, в какой они влияли на международные позиции обоих государств. Этот

временной отрезок можно разделить на несколько качественно различных фаз: эпоха оптимистической демилитаризации (1990–2000 гг.), период функционального сотрудничества при сохранении оборонной слабости (2001–2013 гг.), годы постепенной ремилитаризации и углубления интеграции с НАТО (2014–2021гг.) и финальная интеграция в альянс (2022 г.). Каждая из этих фаз характеризовалась специфическими институциональными конфигурациями, паттернами взаимодействия государств и доминирующими дискурсами безопасности.

Теоретическая модель принятия внешнеполитических решений в Северной Европе

Академический дискурс о безопасности малых государств Северной Европы на протяжении постбиполярного периода характеризовался выраженным доминированием либерально-институционалистских и конструктивистских подходов. Эту рамку задавали ведущие исследовательские центры региона. В работах Финского института международных отношений (ФИМО) европейская политика безопасности рассматривалась как самостоятельная альтернатива атлантической модели обороны (Ojanen 2006; Iso-Markku 2024). Норвежский институт международных отношений разрабатывал внешнеполитические сценарии действий малых го-сударств (Neumann, Gstöhl 2006; Haugevik, Rieker 2017). В шведской исследовательской традиции переход от нейтралитета к солидарности описывался как нормативный процесс, а не как следствие изменения соотношения сил (Möller, Bjereld 2010). Общим для этих работ было допущение, что участие в институтах и функциональное сотрудничество способны заместить формальные гарантии обороны.

Важное место в этой концептуальной экосистеме занимает «теория укрытия», разработанная политологом Балдуром Торхаллссоном (Thorhallsson 2010). Согласно этой концепции, малые государства компенсируют структурную уязвимость через поиск «укрытия» у более крупных акторов или международных институтов. Б. Торхаллссон выделяет три типа укрытия: политическое (дипломатическая поддержка, участие в международных организациях), а также гарантии безопасности и оборонное сотрудничество), экономическое (доступ к рынкам, финансовая помощь) и социальное[1] (доступ к знаниям, образованию, культурным связям) (Thorhallsson, Steinsson 2017; Thorhallsson, Stude Vidal 2023: 194–218).

Применительно к Финляндии и Швеции «концепция укрытия» интерпретировалась следующим образом: членство в Европейском союзе обеспечивает политическое и экономическое прикрытие; участие в программе НАТО «Партнёрство ради мира» даёт частичные военные гарантии без формальных обязательств по ст. 5; развитие НОРДЕФКО[2] создаёт региональную военную структуру посредством функционального сотрудничества северных стран; активное участие в ООН и ОБСЕ, продвигая международное право и многосторонность, обеспечивает нормативное укрытие.

Вторым ключевым элементом модели стала концепция «внешнеполитических репертуаров», предложенная Кристин Хаугевик и Оле Якобом Сендингом (Haugevik, Sending 2020: 110–119). «Репертуар» – сценарии действий – понимается как устойчивый набор внешнеполитических практик, институционализированных в государственном аппарате, легитимированных общественным мнением и укоренённых в национальной идентичности. Для Финляндии таким сценарием выступала «активная нейтральность» с элементами «финляндизации» (прагматичное сосуществование с СССР/Россией при сохранении западной ориентации) (Arter 2023: 171–189); для Швеции – «вооружённый нейтралитет» с претензией на «моральное лидерство» в международных делах (Möller, Bjereld 2010: 363–386).

[1] Англ. *societal shelter*.
[2] Англ. *NORDEFCO* (*Nordic Defence Cooperation*) – Северное оборонное сотрудничество.

Концепция «репертуаров» объясняла, почему северные страны не вступили в НАТО после окончания холодной войны, когда исчезла «советская угроза»: политика неприсоединения была настолько глубоко укоренена в национальной идентичности, институциональной памяти и практиках государственного аппарата, что её пересмотр требовал бы фундаментальной трансформации – «критических развилок», способных разрушить «инерционный подход» или, как его ещё называют, «эффект колеи»[1].

Третьим элементом модели служила теория регионального комплекса безопасности Барри Бузана и Оле Вевера (Buzan, Wæver 2003: 40-89). Северная Европа концептуально описывалась как субкомплекс в рамках более широкого европейского комплекса безопасности, характеризующийся высокой степенью интенсивности во взаимоотношениях друг с другом и специфическими паттернами взаимодействия. Конструктивистская интерпретация подчёркивала роль северных стран как «строителей мостов» между Востоком и Западом, носителей особой «северной идентичности», основанной на ценностях социальной справедливости, гендерного равенства, экологической ответственности и мирного разрешения конфликтов.

Влияние либеральной модели на формирование политики

Доминирование описанной теоретической модели прослеживается в официальных документах Хельсинки и Стокгольма по безопасности. В основу финской «Белой книги по безопасности» 2012 г. положена концепция «комплексной безопасности», основанной на сочетании национальной обороны, международного сотрудничества и широкого понимания угроз, включающего экономические, экологические и социальные измерения (Ojanen 2006: 57–76). Шведская доктрина «солидарности», сформулированная в 2009 г., декларировала, что Швеция не останется пассивной, если соседняя страна или член ЕС подвергнется нападению, ожидая взаимности от партнёров – классический либерально-институционалистский подход, основанный на взаимных ожиданиях и неофициальных обязательствах, а не на формальных договорах (Forsberg, Vaahtoranta 2001: 68–93).

Особенно показательна эволюция дискурса вокруг НОРДЕФКО – институционализированной с 2009 г. структуры военного сотрудничества северных стран (NORDEFCO Annual Report… 2021). В официальных документах и экспертных оценках оно представлялось как воплощение «умной обороны»: объединение ресурсов для совместных закупок, обучения и логистики позволяет малым государствам достигать эффективности, недоступной при автономных усилиях. Здесь необходима оговорка. НОРДЕФКО рассматривается в настоящей статье не как удачный образец военного сотрудничества, а как показательный случай его пределов. Организация не имела обязательств о взаимной обороне, общего оперативного планирования и единого командования, следовательно, не обладала признаками военного союза. После 2022 г. Северное оборонное сотрудничество утратило самостоятельное значение и было фактически встроено в систему укрепления соответствующего фланга НАТО. Региональный формат, задуманный как способ обойтись без альянса, превратился в его вспомогательный элемент. Фредрик Дёзер в своём анализе участия Финляндии и Швеции в операции НАТО в Ливии показывает, как стратегическая культура неприсоединения ограничивала скорость интеграции, несмотря на практическое сотрудничество (Doeser 2016: 284–297).

Как отмечает И.Н. Новикова, политическая наука страдает от «непризнанного гигантизма»: большинство теоретических построений создаются для объяснения поведения великих держав, тогда как малые государства рассматриваются как аномалии (Новикова 2020: 145–162). Северные исследователи стремились преодолеть эту тенденцию, разрабатывая теории,

[1] Англ. *path dependence*.

ставящие малые государства в центр анализа. Однако, как будет показано далее, это привело к систематической переоценке их возможностей влиять на структуру международной системы.

Местные политологи ссылались на такие характеристики северных стран, которые-де создавали благоприятные условия для функционирования описанной модели: Финляндия и Швеция демонстрируют высокий уровень социального доверия и внутренней сплочённости. Поэтому консенсусная модель принятия решений, характерная для скандинавского политического стиля, способствовала устойчивости внешнеполитических сценариев действий (Gissurarson 2016). Однако на деле в момент принятия решения о вступлении в НАТО руководство двух стран не воспользовалось референдумом, а весьма оперативно провело голосование в парламентах. При этом процесс голосования заслуживает скрупулезного анализа на предмет фальсификаций и давления со стороны «атлантистов» (О реальной истории… 2022).

Применение модели на практике: внешнеполитические решения в 1990–2022 гг.

Период 1990–2000 гг. характеризовался адаптацией внешнеполитических сценариев действий к новым условиям при сохранении их базовой логики. Окончание холодной войны устранило непосредственную советскую угрозу, но не привело к радикальному пересмотру политики неприсоединения. Вместо этого северные страны интерпретировали новую ситуацию через призму существующей модели: исчезновение биполярной конфронтации открывало возможности для углубления институционального сотрудничества без необходимости присоединения к военным альянсам.

Ключевым решением стало вступление Финляндии и Швеции в Европейский союз (1995 г.). В терминах «теории укрытия» членство в ЕС обеспечивало политическое (участие в принятии решений на европейском уровне), экономическое (доступ к единому рынку, структурным фондам) и потенциально элемент военного прикрытия через развивающуюся Общую внешнюю политику и политику безопасности. Позднее ст. 42.7 Лиссабонского договора, обязывающая государства-члены оказывать помощь в случае вооружённой агрессии, интерпретировалась финским истеблишментом как функциональный эквивалент ст. 5 НАТО, хотя и без интегрированных военных структур.

Одновременно обе страны присоединились к программе НАТО «Партнёрство ради мира» (1994 г.). Эта форма ассоциации позволяла углублять практическое сотрудничество с альянсом – участие в учениях, программах обучения, миротворческих операциях – без принятия обязательств коллективной обороны. Модель «Партнёрство ради мира» представляла собой оптимальное решение: получение выгод военного сотрудничества при сохранении формального статуса неприсоединения и связанной с ним идентичности.

С точки зрения концепции «репертуаров», в этот период обе страны активно воспроизводили традиционные паттерны внеблоковости, адаптируя их к новым условиям. Финляндия трансформировала доктрину Паасикиви – Кекконена – прагматичное балансирование между Востоком и Западом (финляндизация) – в активное участие в европейской интеграции при сохранении конструктивных отношений с Россией (Ingebritsen 2006). Швеция продолжила культивировать образ нейтрального посредника, хотя фактически дрейфовала в сторону Запада. Политика неприсоединения оставалась институционально укоренённой и легитимной, несмотря на объективное изменение стратегической среды.

Значительным был и масштаб снижения численности вооруженных сил и расходов на обеспечение безопасности. Финляндия сократила вооружённые силы с 500 до 230 тыс. человек (Kosonen, Mälkki 2022), а оборонный бюджет – с 1,6 до 1,1% ВВП (Ossa, Koivula 2022). Швеция провела ещё более радикальные реформы: мобилизационный резерв уменьшился с

800 тыс. человек в 1989 г. до менее чем 50 тыс. к 2000 г., а оборонные расходы упали с 2,5% ВВП в 1990 г. до 1,2% в 2000 г. (Darling 2023). Эти цифры отражали характерный для того периода дискурс «дивидендов мира». В Хельсинки и Стокгольме этот дискурс сочетался с расчётом на постепенное встраивание в европейские структуры без принятия военных обязательств (Forsberg, Vaahtoranta 2001).

Стоит отметить, что ситуация во взаимоотношениях сверхдержав в регионе складывалась в пользу сохранения выбранной внешнеполитической модели. В этот период постсоветская Россия демонстрировала стремление к интеграции с европейским пространством в сферах экономики и безопасности.

Символическим началом этого процесса стал Мальтийский саммит 1989 г., где М.С. Горбачёв провозгласил вступление в «эпоху прочного мира» (Мальтийский саммит… 2024). В июне 1994 г. Россия также присоединилась к программе НАТО «Партнёрство во имя мира» (Международные отношения и НАТО… 2024), рассматривая её как платформу для выстраивания конструктивного диалога с альянсом. Россия могла стать гарантом безопасности Евразии и выражала готовность взять на себя ответственность за регион. Наиболее показательными стали переговоры на Хельсинкском саммите в марте 1997 г., где Б.Н. Ельцин открыто заявил о необходимости джентльменского соглашения о нерасширении НАТО за счёт бывших советских республик (Ельцин и Клинтон… 2018). Односторонние усилия Москвы по интеграции в европейское пространство безопасности столкнулись с последовательным американским курсом на расширение НАТО при формальном сохранении диалога с Россией. Причина этого отказа – стратегический расчёт США на сохранение доминирования в европейской системе безопасности.

Таким образом, посредничество, основанное на институциональном сотрудничестве, позволяло обеим странам занять выигрышную позицию. Сравнительный анализ тем не менее показывает существенные различия политики Финляндии и Швеции в этот период. Финляндия, имеющая 1340-километровую границу с Россией и тесные экономические связи с восточным соседом, придерживалась более осторожной линии, сохраняя крупный мобилизационный резерв и концепцию комплексной обороны (Ingebritsen 2006). Швеция, не имевшая непосредственной границы с Россией, сокращала вооружённые силы значительно быстрее и активнее поддерживала западную политику на постсоветском пространстве – в частности, премьер-министр Карл Бильдт (1991–1994 гг.) поддержал политику «негражданства» в странах Балтии (Грамолин 2022).

Углубление интеграции без формального членства (2001–2013 гг.)

Теракты 11 сентября 2001 г. в США и последующая активация ст. 5 Вашингтонского договора создали окно возможностей для вступления Финляндии и Швеции в НАТО. В 2001–2002 гг. общественная поддержка членства в альянсе достигла исторического максимума: в Финляндии 39% выступали за и 38% против, в Швеции – 32% за и 47% против (Beaver, Lapporte 2024). Хотя большинство населения по-прежнему не поддерживало вступление, это был наиболее благоприятный момент для такого решения с точки зрения соотношения сторонников и противников.

Несколько факторов способствовали росту поддержки НАТО. Во-первых, трансформация восприятия угроз – теракты продемонстрировали, что безопасность больше не является вопросом традиционной межгосударственной военной конфронтации, а требует международного сотрудничества в борьбе с транснациональными угрозами. Во-вторых, активизация «новых» членов НАТО из Центральной Европы показала, что расширение альянса возможно без

резкого обострения отношений с Россией. В-третьих, начало операций НАТО в Афганистане создало прецедент участия альянса в миссиях за пределами традиционной зоны ответственности, что отвлекало внимание от исследуемого региона и лишало расширение кристаллизованной антироссийской направленности.

Однако решения о подаче заявки на членство в НАТО принято не было. В терминах концепции «репертуаров» системный шок 11 сентября оказался недостаточным для преодоления институциональной инерции неприсоединения. Политические элиты обеих стран интерпретировали события через призму существующих сценариев действий: трансатлантическая солидарность выражалась участием в операциях по поддержанию мира, а не формальным членством в альянсе. Президент Финляндии Тарья Халонен публично заявляла, что не видит убедительных аргументов для вступления (Forsberg 2024: 283–307). Политический мейнстрим придерживался «политики опции»: развивать тесное партнёрство с НАТО, но сохранять военный внеблоковый статус.

В Швеции премьер-министр Йоран Перссон также воздержался от инициирования дискуссии о членстве. Решение не вступать в НАТО в 2001 г. было сознательным выбором, а не пассивным сохранением статус-кво (Who needs NATO?… 2022). Реализм предлагает более глубокое объяснение: в 2001 г. угроза со стороны России не воспринималась как достаточно острая для обоснования издержек присоединения к НАТО (Pesu, Iso-Markku 2024: 569–588). Теория баланса угроз Уолта предсказывает, что государства вступают в альянсы, когда воспринимаемая угроза превышает издержки членства. В 2001 г. Россия при новом президенте В.В. Путине позиционировала себя как партнёра Запада в борьбе с терроризмом; угроза со стороны Москвы воспринималась как гипотетическая и отдалённая. В этих условиях издержки членства – возможное ухудшение отношений с Россией, обязательства участвовать в операциях альянса, рост оборонных расходов – перевешивали выгоды.

Институционализация северного оборонного сотрудничества: НОРДЕФКО

Создание НОРДЕФКО в 2009 г. представляло попытку построения региональной системы безопасности без формальных гарантий взаимной обороны. Поводом его создания мог послужить российско-грузинский конфликт, что на самом деле взбудоражило умы финских и шведских политиков, в этот период действительно проходили дебаты в парламентах двух стран о присоединении в НАТО (Forsberg 2024: 283–307; Forsberg, Vaahtoranta 2001: 68–93). Однако первостепенной причиной инициативы стал не российский фактор, а финансовый кризис 2008 г., который обострил давление на оборонные бюджеты и стимулировал поиск механизмов повышения эффективности через кооперацию. Бывший министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг по поручению министров иностранных дел северных стран представил в 2009 г. доклад «Северное сотрудничество по вопросам внешней политики и безопасности», ставший одним из импульсов к созданию НОРДЕФКО (Stoltenberg 2009).

В терминах теории реализма НОРДЕФКО представляло собой попытку институционализации сотрудничества в условиях, когда структурные факторы не требовали более глубокой интеграции. Организация не создавала реального военного альянса именно потому, что это не соответствовало структурной логике момента. Три члена НАТО (Норвегия, Дания, Исландия) уже имели военное укрытие и не были заинтересованы в создании конкурирующей структуры. Финляндия и Швеция не видели необходимости в формальных гарантиях, пока угроза воспринималась как управляемая. Результатом стала организация, которая представляла собой сотрудничество без обязательств (Надточей 2016: 134–143).

С точки зрения концепции укрытия, НОРДЕФКО оставалось принципиально неполным

из-за асимметрии между участниками: для Норвегии, Дании и Исландии первичным военным щитом служило НАТО, а НОРДЕФКО дополняло его; для Финляндии и Швеции НОРДЕФКО было единственным институционализированным механизмом военного сотрудничества, что создавало неравновесную конфигурацию.

Показательной стала реорганизация НОРДЕФКО в 2013–2014 гг.: «стратегическое развитие» было заменено на «вооружение», были созданы руководящие должности по вопросам национального вооружения и возможностям развития (Белухин 2019: 28–39). Эта трансформация отражала переход от экономии ресурсов к более прикладному военному сотрудничеству. Однако фундаментальное ограничение – отсутствие политических обязательств о взаимной обороне, – заложенное изначально, сохранялось, предопределяя уязвимость организации перед лицом резкого изменения среды безопасности.

Как показывает анализ Хаугевик и Сендинга (Haugevik, Sending 2020: 110–119), НОРДЕФКО никогда не рассматривалось как альтернатива НАТО или шаг к созданию северного оборонительного союза. Сценарии действий неприсоединения ограничивали амбиции структуры: сотрудничество развивалось в областях «малой политики» (логистика, обучение), но не затрагивало «большую политику» планирования.

События 2014 г. на Украине стали переломным моментом, запустившим процесс углублённой интеграции Финляндии и Швеции в трансатлантические структуры (Haukkala 2015: 25–40). Воссоединение Крыма с Россией и военный конфликт в Донбассе фундаментально трансформировали восприятие угроз северными элитами. В их понимании Россия из партнёра, с которым можно выстраивать отношения на основе взаимной выгоды, превратилась в «ревизионистскую державу, бросающую вызов послевоенному порядку» (Regeringskansliet… 2022).

В 2014 г. обе страны получили статус партнёра с расширенными возможностями[1] НАТО – категорию для государств, вносящих особо значительный вклад в операции альянса. Этот статус обеспечил расширенные возможности для диалога и сотрудничества с Североатлантическим альянсом, включая участие в его рабочих процедурах на почти равных основаниях с государствами-членами. Финские и шведские офицеры начали регулярно участвовать в заседаниях комитетов НАТО, хотя формально и без права голоса (NATO’s Enhanced Opportunities… 2020).

Точкой невозврата, как выяснилось позднее, стало подписание в 2014–2016 гг. серии двусторонних соглашений с Соединёнными Штатами. Соглашение об обмене разведывательной информацией (2014 г.) (Проамериканское неприсоединение… 2018) обеспечило Финляндии и Швеции доступ к данным американской спутниковой и радиоэлектронной разведки. Соглашение о поддержке принимающей страны (Host Nation Support Agreement… 2016) (Как менялись позиции… 2022) позволило США предварительно размещать военное оборудование на территории обеих стран для возможного быстрого развёртывания в кризисных ситуациях. Эти соглашения де-факто интегрировали с военными структурами США, формально сохраняя статус неприсоединения.

Сравнительный анализ показывает различия в реакции двух стран на кризис 2014 г. Финляндия реагировала более сдержанно на уровне публичной риторики, но активно наращивала практическое сотрудничество с НАТО. Швеция, напротив, демонстрировала более резкую публичную реакцию: серия инцидентов с предполагаемыми российскими подводными лодками и нарушениями воздушного пространства активизировала российскую угрозу в шведском общественном сознании. В 2017 г. Швеция восстановила всеобщую воинскую обя-

[1] Англ. *Enhanced Opportunities Partner*.

занность, отменённую в 2010 г., что стало символическим разрывом с оптимизмом эпохи «дивидендов мира».

К концу 2010-х гг. фактическая интеграция достигла такого уровня, что формальное членство в НАТО становилось вопросом не изменения существующей политики, а «легализации» уже сложившейся практики (Межевич, Ногаев 2024: 134–144). Финские и шведские военные планировщики полагались на американскую разведку при разработке оборонных планов и при закупке вооружений ориентировались на совместимость с системами НАТО, обучение офицеров адаптировалось к стандартам альянса. Соглашения 2014–2016 гг. создали зависимость от «эффекта колеи»: каждый год интеграции делал возврат к автономии более затратным.

Закупки вооружений иллюстрируют эту динамику. Решение Финляндии приобрести 64 истребителя *F-35* за 8,4 млрд евро (декабрь 2021 г.) создавало технологическую зависимость от США: платформа *F-35* глубоко интегрирована в американскую экосистему – от программного обеспечения до логистики запасных частей. Шведская оборонная промышленность сохраняла бóльшую автономию, но также ориентировалась на совместимость с НАТО с самых начальных форматов сотрудничества. Так, в отчёте шведского правительства парламенту о сотрудничестве в рамках Совета евроатлантического партнёрства (СЕАП) – многостороннего форума государств – членов НАТО и стран-партнёров, созданного в 1997 г., – и программы «Партнёрство ради мира» (Skr. 2003/04: 84) говорится об обеспечении совместимости шведских подразделений с силами альянса посредством натовской работы по стандартизации.

Почему логика реализма «сломала» либеральную модель?

Традиция политического реализма в теории международных отношений предлагает парадигму, которая более убедительно объясняет трансформацию политики безопасности Финляндии и Швеции. Реализм Кеннета Уолца исходит из того, что поведение государств определяется прежде всего структурными факторами – анархией системы и распределением силы между основными единицами (Waltz 1979). Таким образом, государства, независимо от идеологии, культуры или внутреннего устройства, вынуждены адаптироваться к структурным реалиям.

Применительно к Финляндии и Швеции структурный реализм объясняет, как период неприсоединения, так и решение о вступлении в НАТО. В условиях биполярной системы холодной войны северные страны смогли сохранять неприсоединение благодаря специфической конфигурации – балансу между сверхдержавами, который делал прямую агрессию против нейтралов слишком рискованной. Финляндия, в частности, извлекала преимущества из своего промежуточного положения, поддерживая конструктивные отношения с обоими блоками.

Трансформация структуры международной системы изменила расчёты безопасности. Однополярность 1990-х гг. (доминирование США) создала условия, в которых неприсоединение было безопасным – угроза со стороны ослабленной России воспринималась как минимальная. Возвращение к многополярности в 2010–2020-х гг., восстановление российской военной мощи и обострившаяся борьба за ресурсы радикально изменили ситуацию. Похоже, что в это время элиты североевропейских стран уже стали исходить из теории неореализма о балансе угроз, где его оценка складывается из совокупного потенциала государства, географической близости, наличия наступательных возможностей и приписываемых намерений.

Наступательный реализм Джона Миршаймера добавляет важное измерение, указывая на роль великих держав как «упорядочивающих агентов», которые активно формируют структуру международной системы в соответствии со своими интересами (Mearsheimer 2001).

США, будучи доминирующей державой, последовательно проводили политику расширения НАТО и предотвращения формирования автономных центров силы в Европе. В этой перспективе постепенная интеграция Финляндии и Швеции в трансатлантические структуры представляет собой не только результат их собственных решений, но и следствие целенаправленной американской политики: соглашения об обмене разведывательной информацией (2014 г.) и о поддержке принимающей страны (2016 г.) заключались с США на двусторонней основе, вне рамок НАТО.

Парадигма реализма объясняет несколько ключевых наблюдений, которые остаются аномальными для либерально-институционалистских и конструктивистских теорий. Во-первых, скорость трансформации. Реализм не предполагает, что идентичности или сценарии действий должны обладать значительной инерцией: когда структурные условия радикально меняются, государства быстро приспосабливаются, отбрасывая прежние предпочтения. «Идентичность неприсоединения» в этой перспективе не является глубинной чертой, которую все приписывали Швеции и Финляндии, это ближе к рациональной адаптации к определённой конфигурации сил.

Во-вторых, общий результат. Несмотря на различия в истории, культуре и институциональных традициях Финляндии и Швеции, обе страны пришли к одинаковому решению в одно время. Реализм объясняет это структурным детерминизмом: государства в схожих структурных позициях демонстрируют схожее поведение.

В-третьих, сохранение иерархии. Вступление в НАТО не уравняло Финляндию и Швецию с США или крупными европейскими державами. Асимметрия силы воспроизводится внутри альянса: малые государства получают гарантии безопасности, но платят за это ограничением автономии. Это согласуется с выводами реализма о неравенстве в международной системе.

Намечается ли сдвиг в мышлении финских и шведских элит?

Анализ академических публикаций 2023–2025 гг. и позиций ключевых политиков выявляет дифференцированную картину: структурные императивы преобладают над идеологией, однако интерпретационные рамки демонстрируют значительную инерцию.

Финский академический дискурс фиксирует элементы переосмысления. Ведущий исследователь ФИМО Матти Песу сформулировал концепцию «дефицита сдерживания» – понятие, укоренённое в традиции реализма, а не в либеральном дискурсе институционального «укрытия» (Pesu, Iso-Markku 2024: 569–588). Туомас Исо-Маркку отмечает необходимость «корректировки мышления» для финского руководства (Iso-Markku 2024). В этой же работе авторы анализируют, почему многолетнее партнёрство с альянсом не обеспечило требуемый уровень безопасности. Коскимаа и Раунио исследуют роль административных элит как «полуавтономных директоров» процесса (Koskimaa, Raunio 2024: 980–1003); Форсберг выдвигает тезис о «восходящей» внешней политике, где изменение общественного мнения предшествовало решению элит (Forsberg 2024: 283–307); Артер фиксирует «психоз страха», пробудивший коллективную память о Зимней войне (Arter 2023: 171–189).

Шведский академический дискурс более критичен. Линус Хагстрём (Шведская военная академия) в сборнике «Безопасна ли Швеция сейчас?» (Hagström 2024) указывает на эмоциональную составляющую дебатов: сторонники НАТО представляли аргументы как рациональные, однако обе стороны основывались на эмоциях – страхе перед неясной угрозой у сторонников и сентиментальности у противников. В статье Эльвиры Хьертстрём и Линуса Хагстрёма (Hjertström, Hagström 2025) применяется концепция слоёв идентичности: для большинст-

ва шведов членство не разрушило, а укрепило ощущение идентичности через чувство принадлежности к «Западу». Анна Михальски, Дуглас Броммессон и Анн-Мари Экенгрен констатируют ключевой вывод: формальное изменение статуса не сопровождается автоматическим изменением социальной идентичности – глубинные структуры трансформируются значительно медленнее (Michalski, Brommesson, Ekengren 2024: 139–157).

Голосования в парламентах (Финляндия: 184–7; Швеция: 269–37) зафиксировали беспрецедентный консенсус, за которым скрывается дифференциация концептуальных позиций. Для анализа были рассмотрены мнения самых популярных политиков в двух странах. Так, милитаризированный реализм представлен отставными военными, впоследствии вошедшими в парламент: генерал Ярмо Линдберг формулирует позицию в категориях сдерживания (Jarmo Lindberg Naton operaatiosta… 2025); генерал-майор Пекка Товери указал на «истощённость российских гарнизонов» (Venäjän liikekannallepano… 2022). Юсси Халла-ахо (Партия финнов) артикулировал классическую дилемму баланса сил: альтернатива членству – «армянский или белорусский вариант» (Jussi Halla-aho: Suomen vaihtoehto… 2022). Драматический разворот социал-демократов – ключевой элемент обоих случаев: Петер Хультквист в ноябре 2021 г. заявил, что Швеция никогда не станет членом НАТО, пока он министр (Därför avgår… 2022); спустя пять месяцев признал, что оказаться вне альянса означает уязвимость (Exakt då svängde Hultqvist… 2022). Магдалена Андерссон в марте 2022 г. утверждала, что членство дестабилизирует Европу (Natomedlemskap skulle destabilisera… 2022); 15 мая объявила об изменении позиции партии (Socialdemokraterna vill att Sverige… 2022).

Прагматическая адаптация при сохранении либеральной рамки характеризует позицию левых и зелёных. Ли Андерссон (Левый альянс Финляндии) подчёркивала: вопрос был не в стремлении в НАТО, а в потребности в «гарантиях безопасности» – либеральная категория, лежащая за пределами характерного для реализма дискурса сдерживания (Andersson 2022). Пекка Хаависто (Зелёная лига) позиционирует членство как совместимое с правозащитной деятельностью (Haavisto 2022). Парадокс Шведских демократов – наиболее примечательный феномен: партия с неонацистскими корнями, но в то же время близкая к пророссийским позициям, совершила радикальный разворот; Йимми Окессон прямо обусловил позицию финским решением (Åkesson: Ja till Nato… 2022; Sverigedemokraterna och Nato 2022). Отсутствие сдвига к реализму демонстрирует Элина Валтонен: членство в НАТО – «присоединение к Западу», а верховенство права и права человека – краеугольные камни внешней политики (Valtonen 2023). Ульф Кристерссон позиционирует членство как «возвращение домой» – нарратив, минимизирующий разрыв с традицией (Sveriges flagga hissad… 2024; Regeringsförklaringen… 2024).

Анализ подтверждает центральный тезис: либерально-институционалистская и конструктивистская модель сломана реалисткой логикой соперничества сверхдержав на уровне практических решений. Левые партии, социал-демократы, националисты – все приняли членство под давлением структурных факторов. Ни двухсотлетняя традиция нейтралитета, ни институциональные альтернативы (ЕС, НОРДЕФКО), ни идеологические предпочтения не смогли противостоять геополитическому давлению. Всё это подтверждает трактовку поведения малых государств, которую предлагает реализм: финское решение создало каскадный эффект для Швеции; оказаться единственной страной вне альянса в регионе означало неприемлемую уязвимость.

Однако интерпретационные рамки демонстрируют значительную инерцию. Только военные (Я. Линдберг, П. Товери) и часть правых политиков (Ю. Халла-ахо) оперируют в категориях «чистого» реализма. Социал-демократы сохраняют акцент на оговорках о неядерном статусе (Socialdemokraterna vill att Sverige… 2022); либералы интерпретируют НАТО как ин-

ститут продвижения демократических ценностей. Это означает, что концепция «репертуаров» К. Хаугевик и О. Я. Сендинга жива (Haugevik, Sending 2020: 110–119): новая реальность интегрируется в существующие когнитивные структуры. А. Михальски и соавторы констатируют: российское «вторжение» застало шведские элиты врасплох, поскольку «привязанность к нормативному интернационализму препятствовала ясному видению воинственных намерений России» (Michalski, Brommesson, Ekengren 2024: 139–157).

Выявленный разрыв между структурной трансформацией (членство в НАТО) и концептуальной инерцией (сохранение либерально-институционалистских рамок) создаёт практические помехи.

Во-первых, если элиты продолжат интерпретировать НАТО как ещё один многосторонний институт, а не как военный альянс, функционирующий по логике баланса сил, возможна недооценка обязательств, налагаемых членством. Участие в ядерном планировании, размещение войск союзников, интеграция в командные структуры – всё это может восприниматься как противоречащее «оговоркам» о неядерном статусе и отсутствии постоянных баз.

Во-вторых, либерально-институционалистская традиция предполагает симметричность институциональных отношений. Однако отношения между малыми государствами и США как гарантом безопасности асимметричны по природе. Недооценка этой асимметрии может вести к завышенным ожиданиям относительно влияния на политику альянса.

В-третьих, если предпочтения продолжат препятствовать трезвой оценке угроз, возможны стратегические просчёты, аналогичные тем, что предшествовали февралю 2022 г.

* * *

Настоящее исследование показывает, что вступление Финляндии и Швеции в НАТО не было результатом свободного «выбора» среди равноценных альтернатив, но представляло собой детерминированную адаптацию к изменившейся конфигурации сил в международной системе. Либерально-институционалистские и конструктивистские концепции, доминировавшие в северном академическом и политическом дискурсе на протяжении постбиполярного периода, создали иллюзию самостоятельности – возможности для малых государств конструировать собственную безопасность посредством институционального участия, нормативного влияния и формирования идентичности.

Практика продемонстрировала ограниченность этого подхода. Международные институты (ЕС, ОБСЕ) не смогли предотвратить возвращение силовой политики в Европу и не способны обеспечить коллективную оборону, сопоставимую с гарантиями НАТО. Функциональное сотрудничество в рамках НОРДЕФКО создавало операционные преимущества, но не заменяло формальных гарантий безопасности. Сценарии действий неприсоединения, представлявшиеся глубоко укоренёнными в национальной идентичности, были отброшены в течение нескольких недель при изменении структурных условий.

Для академического сообщества исследование подтверждает сохраняющуюся объяснительную силу политического реализма в анализе вопросов безопасности. Либерально-институционалистские и конструктивистские концепции продуктивны для описания механизмов сотрудничества и формирования идентичностей, но недостаточны для объяснения поведения государств в условиях экзистенциальной угрозы. Структура международной системы – анархия и распределение силы – остаётся ключевой переменной, определяющей базовые параметры внешней политики.

Долгосрочные последствия произошедшей трансформации выходят за рамки национальной безопасности Финляндии и Швеции. Превращение Арктики в арену блокового про-

тивостояния, парализация институтов кооперации, утрата каналов диалога, милитаризация региона создают риски эскалации и сокращают пространство для дипломатического урегулирования конфликтов. Отказ от неприсоединения, будучи рациональным решением с точки зрения национальной безопасности северных стран в краткосрочной перспективе, может надолго снизить общий уровень региональной стабильности.

Стоит отметить, что концептуальная трансформация отстаёт от институциональной. Элиты двух стран продолжают использовать привычный аппарат для объяснения новой реальности, плодя множество «гибридных» позиций. Систематический мониторинг эволюции северного дискурса безопасности остаётся важной исследовательской задачей: от того, последует ли вслед за институциональным концептуальный сдвиг, зависит способность Финляндии и Швеции эффективно функционировать в рамках альянса, который строится на логике баланса сил и коллективной обороны. Остаётся открытым вопрос: смогут ли Финляндия и швеция сохранить самостоятельность своей арктической политики в условиях, когда администрация Дональда Трампа агрессивно применяет экономические рычаги давления даже к союзникам по НАТО?

Список литературы / References

Agius, C. (2006). The Social Construction of Swedish Neutrality: Challenges to Swedish Identity and Sovereignty. Manchester: Manchester University Press.

Åkesson: Ja till Nato om Finland ansöker om medlemskap. SVT Nyheter. 2022. Available at: https://www.svt.se/nyheter/inrikes/sd-svanger-i-natofragan-om-finland-ansoker-om-medlemskap (accessed 06.09.2026).

Andersson, L. (2022). Ajatukseni Suomen Nato-jäsenyydestä. Li Andersson. 12.05.2022. Available at: https://liandersson.fi/ajatukseni-suomen-nato-jasenyydesta/ (accessed 06.09.2026).

Arter, D. (2023). From Finlandisation and post-Finlandisation to the end of Finlandisation? Finland's road to a NATO application. European Security 32(2): 171–189.

Bailes, A.J.K. (2008). The EU and a 'Better World': What Role for the European Security and Defence Policy? International Affairs 84(1): 115–130.

Beaver, W., Lapporte, E. (2024). The NATO Accession of Finland and Sweden: A Strategic Advantage for the Alliance and the U.S. Washington, D.C.: The Heritage Foundation. Available at: https://www.heritage.org/defense/report/the-nato-accession-finland-and-sweden-strategic-advantage-the-alliance-and-the-us (accessed 25.11.2025).

Buzan, B., Wæver, O. (2003). Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press.

Darling, D. (2023). Eyeing NATO Membership, Swedish Government Proposes Defense Spending Hike. Forecast International. 15.09.2023. Available at: https://dsm.forecastinternational.com/2023/09/15/eying-nato-membership-swedish-government-proposes-defense-spending-hike/ (accessed 25.11.2025).

Därför avgår inte Peter Hultqvist – trots Nato-löftet. Göteborgs-Posten. 10.05.2022. Available at: https://www.gp.se/nyheter/sverige/darfor-avgar-inte-peter-hultqvist-trots-nato-loftet.f1eb1557-7791-468d-a1c7-dd03f53ef59c (accessed 06.09.2026).

Defence Cooperation Agreement with the United States (DCA). Ministry for Foreign Affairs of Finland. 2023. Available at: https://um.fi/ru/defence-cooperation-agreement-with-the-united-states-dca- (accessed 06.09.2026).

Defence Cooperation Agreement with the US signed. Government Offices of Sweden. 06.12.2023. Available at: https://www.government.se/press-releases/2023/12/defence-cooperation-

agreement-with-the-us-signed/ (accessed 06.09.2026).

Doeser, F. (2016). Finland, Sweden and Operation Unified Protector: The Impact of Strategic Culture. Comparative Strategy 35(4): 284–297.

Exakt då svängde Hultqvist (S) i Nato-frågan: “Jag skrev det på ett papper”. SVT Nyheter. 16.05.2022. Available at: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/dalarna/exakt-da-svangde-hultqvist-s-i-natofragan-jag-skrev-det-pa-ett-papper (accessed 06.09.2026).

Finland’s Arctic Foreign and Security Policy. Publications of the Finnish Government 2025:8. Helsinki: Ministry for Foreign Affairs of Finland. 2025. Available at: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/items/1a544866-b154-4671-b93e-13c2d69a06dd (accessed 27.11.2025).

Forsberg, T. (2024). Bottom-up foreign policy? Finland, NATO and public opinion. Scandinavian Political Studies 47(3): 283–307. DOI: 10.1111/1467-9477.12273

Forsberg, T., Vaahtoranta, T. (2001). Inside the EU, Outside NATO: Paradoxes of Finland’s and Sweden’s Post-Neutrality. European Security 10(1): 68–93.

Gissurarson, H.H. (2016). In Defence of Small States. Brussels: New Direction–The Foundation for European Reform.

Haavisto, P. (2022). Ulkoministeri Pekka Haaviston puheenvuoro eduskunnan Nato-lähetekeskustelussa. Ulkoministeriö. 13.12.2022. Available at: https://um.fi/puheet/-/asset_publisher/up7ecZeXFRAS/content/ulkoministeri-pekka-haaviston-puheenvuoro-eduskunnan-nato-lahetekeskustelussa/35732 (accessed 06.09.2026).

Hagström, L. (ed.) (2024). Är Sverige säkert nu? Perspektiv på Nato och svensk säkerhetspolitik. Stockholm: Carlsson Bokförlag.

Haugevik, K., Rieker, P. (2017). Autonomy or integration? Small-state responses to a changing European security landscape. Global Affairs 3(3): 211–221. DOI: 10.1080/23340460.2017.1377625

Haugevik, K., Sending, O. J. (2020). The Nordic Balance Revisited: Differentiation and the Foreign Policy Repertoires of the Nordic States. Politics and Governance 8(4): 110–119. DOI: 10.17645/pag.v8i4.3380

Haukkala, H. (2015). From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations. Journal of Contemporary European Studies 23(1): 25–40.

Hjertström, E., Hagström, L. (2025). Changing identity to remain oneself: ontological security and the Swedish decision on joining NATO. Journal of International Relations and Development 28(1): 29–54. DOI: 10.1057/s41268-024-00336-3

Ingebritsen, C. (2006). Scandinavia in World Politics. Lanham: Rowman & Littlefield.

Iso-Markku, T. (2024). Adjusting to NATO: Finland’s Strategic Mindset. FIIA Briefing Paper. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. Available at: https://www.fiia.fi/en/publications (accessed 27.01.2026).

Jarmo Lindberg Naton operaatiosta: uusia sabotaaseja ei ole tapahtunut. Verkkouutiset. 2025. Available at: https://www.verkkouutiset.fi/a/jarmo-lindberg-naton-operaatiosta-uusia-sabotaaseja-ei-ole-tapahtunut/ (accessed 06.09.2026).

Jussi Halla-aho: Suomen vaihtoehto Natolle on taipuminen Venäjän tahtoon. Uusi Suomi. 29.03.2022. Available at: https://www.uusisuomi.fi/uutiset/jussi-halla-aho-suomen-vaihtoehto-natolle-on-taipuminen-venajan-tahtoon/eeaa5bad-3d49-4647-8ab1-03506e5cf69a (accessed 06.09.2026).

Koskimaa, V., Raunio, T. (2024). Effective and democratic policymaking during a major crisis: an in-depth analysis of Finland’s decision to apply for NATO membership. Journal of European Public Policy 31(4): 980–1003. DOI: 10.1080/13501763.2024.2324013

Kosonen, J., Mälkki, J. (2022). The Finnish Model of Conscription: A Successful Policy to Or-

ganize National Defence. In: de la Porte, C. et al. (eds.) Successful Public Policy in the Nordic Countries: Cases, Lessons, Challenges. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780192856296.003.0022

Mearsheimer, J.J. (2001). The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton.

Michalski, A., Brommesson, D., Ekengren, A.-M. (2024). Small states and the dilemma of geopolitics: role change in Finland and Sweden. International Affairs 100(1): 139–157.

Möller, U., Bjereld, U. (2010). From Nordic neutrals to post-neutral Europeans: Differences in Finnish and Swedish policy transformation. Cooperation and Conflict 45(4): 363–386.

«Natomedlemskap skulle destabilisera säkerhetsläget». SVT Nyheter. 08.03.2022. Available at: https://www.svt.se/nyheter/inrikes/andersson-om-nato-medlemskap-skulle-destabilisera-sakerhetslaget (accessed 06.09.2026).

NATO's Enhanced Opportunities Partners. German Marshall Fund of the United States. 2020. Available at: https://www.gmfus.org/news/natos-enhanced-opportunities-partners (accessed 27.11.2025).

NORDEFCO Annual Report 2020. Helsinki: Nordic Defence Cooperation. 2021.

Neumann, I.B., Gstöhl, S. (2006). Introduction: Lilliputians in Gulliver's World? In: Ingebritsen, C., Neumann, I.B., Gstöhl, S., Beyer, J. (eds.). Small States in International Relations. Seattle: University of Washington Press. P. 3–36.

Ojanen, H. (2006). The EU and NATO: Two Competing Models for a Common Defence Policy. Journal of Common Market Studies 44(1): 57–76.

Ossa, H., Koivula, T. (2022). What Would Finland Bring to the Table for NATO? War on the Rocks. 09.05.2022. Available at: https://warontherocks.com/2022/05/what-would-finland-bring-to-the-table-for-nato/ (accessed 25.11.2025).

Pesu, M., Iso-Markku, T. (2024). Insufficiency of informal alignment: why did Finland choose formal NATO membership? International Affairs 100(2): 569–588. DOI: 10.1093/ia/iiae006

Population statistics 2022. Stockholm: Statistics Sweden. 2023.

Population structure 2022. Helsinki: Statistics Finland. 2023.

Regeringsförklaringen den 10 september 2024. Regeringskansliet. 10.09.2024. Available at: https://regeringen.se/tal/2024/09/regeringsforklaringen-den-10-september-2024/ (accessed 06.09.2026).

Regeringskansliet. Deterioration of the Security Environment – Implications for Sweden. Ds 2022:8. Stockholm: Regeringskansliet. 2022. Available at: https://www.government.se/contentassets/05ffb51ba6404a459d7ee45c98e87a83/deterioration-of-the-security-environment---implications-for-sweden-ds-2022_8.pdf (accessed 27.11.2025).

Rynning, S. (2020). The Geography of the Atlantic Peace: NATO 25 Years after the Cold War. International Affairs 96(2): 257–278.

Socialdemokraterna vill att Sverige ska ansöka om medlemskap i Nato. Socialdemokraterna. 15.05.2022. Available at: https://www.socialdemokraterna.se/nyheter/nyheter/2022-05-15-socialdemokraterna-vill-att-sverige-ska-ansoka-om-medlemskap-i-nato (accessed 06.09.2026).

Stoltenberg, T. (2009). Nordic Cooperation on Foreign and Security Policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on 9 February 2009. Oslo: Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 09.02.2009. Available at: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordicreport.pdf (accessed 20.05.2024).

Sverigedemokraterna och Nato. Expo. 2022. Available at: https://expo.se/2022/05/sverigedemokraterna-och-nato (accessed 06.09.2026).

Sveriges flagga hissad vid Natos högkvarter. SVT Nyheter. 11.03.2024. Available at: https://

www.svt.se/nyheter/utrikes/sveriges-flagga-hissad-vid-natos-hogkvarter (accessed 06.09.2026).

Sveriges medlemskap i Nato. Utrikesutskottets betänkande 2022/23:UU16. Stockholm: Sveriges riksdag. 2023. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/sveriges-medlemskap-i-nato_HA01UU16/ (accessed 06.09.2026).

Thorhallsson, B. (2000). The Role of Small States in the European Union. London: Ashgate.

Thorhallsson, B., Steinsson, S. (2017). Small State Foreign Policy. In: Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford: Oxford University Press. Available at: http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-484 (accessed 14.09.2026). DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.484

Thorhallsson, B., Stude Vidal, T. (2023). Finland's NATO Membership: Continuous Shelter-Seeking Strategy. Scandinavian Political Studies 46(3): 194–218.

Valtonen, E. (2023). Ulkoministeri Elina Valtosen puhe suurlähettiläskokouksessa 2023. Ulkoministeriö. 21.08.2023. Available at: https://um.fi/puheet/-/asset_publisher/up7ecZeXFRAS/content/ulkoministeri-elina-valtosen-puheenvuoro-suurlahettilaskokouksessa-2023/35732 (accessed 06.09.2026).

Venäjän liikekannallepano vaatii massiivisia järjestelyitä. Ruotuväki. 2022. Available at: https://ruotuvaki.fi/-/venajan-liikekannallepano-vaatii-jarjestelyita (accessed 06.09.2026).

Waltz, K.N. (1979). Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley.

Who needs NATO? How Putin forced Sweden to give up its neutrality. The Insider. 2022. Available at: https://theins.ru/en/politics/251985 (accessed 25.11.2025).

Белухин, Н.Е. (2019). Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО) – 10 лет спустя // Международная аналитика (4): 28–39. [Belukhin, N. (2019). Nordic Defense Cooperation (NORDEFCO) – 10 Years' Anniversary. Journal of International Analytics (4): 28–39. (In Russian)]. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-4-28-39

Грамолин, В. (2022). Треугольник отношений: США–Скандинавия–Россия. РСМД. 21.03.2022. [Gramolin, V. (2022). The triangle of relations: USA–Scandinavia–Russia. RIAC. 21.03.2022. (In Russian)]. Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/v-gramolin/treugolnik-otnosheniy-ssha-skandinaviya-rossiya/ (accessed 25.11.2025).

Данилов, Д.А. (2024). НАТО в Арктике: импульсы и ограничения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН (5): 7–17. [Danilov, D. (2024). NATO in the Arctic: impulses and limitations. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN (5): 7–17. (In Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran52024717

Ельцин и Клинтон о расширении НАТО: стенограмма переговоров в 1997 г. RuBaltic.Ru. 03.09.2018. [Yeltsin and Clinton on NATO enlargement: transcript of the 1997 negotiations. RuBaltic.Ru. 03.09.2018. (In Russian)]. Available at: https://www.rubaltic.ru/blogpost/20180903-eltsin-i-klinton-o-rasshirenii-nato-stenogramma-peregovorov-v-1997-godu/ (accessed 25.11.2025).

Загорский, А.В., Тодоров, А.А. (2021). Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации // Арктика и Север (44): 79–102. [Zagorsky, A., Todorov, A. (2021). Military-political situation in the Arctic: hotbeds of tension and ways of de-escalation. Arctic and North (44): 79–102. (In Russian)].

Как менялись позиции Швеции и Финляндии по вопросу вступления в НАТО. ТАСС. 17.05.2022. [How the positions of Sweden and Finland on NATO membership have changed. TASS. 17.05.2022. (In Russian)]. Available at: https://tass.ru/info/14655689 (accessed 27.11.2025).

Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. (2011). Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: РИСИ. [Konyshev, V., Sergunin, A. (2011). The Arctic in international politics: cooperation or rivalry? Moscow: RISS. (In Russian)].

Мальтийский саммит 1989 года. РИА Новости. 02.12.2024. [The Malta Summit of 1989. RIA Novosti. 02.12.2024. (In Russian)]. Available at: https://ria.ru/20241202/sammit-1986371222.html (accessed 25.11.2025).

Международные отношения и НАТО. МИД РФ. 2024. [International relations and NATO. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian)] Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/ (accessed 25.11.2025).

Межевич, Н.М., Ногаев, И.В. (2024). Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы её эволюции // Современная Европа (7): 134-144. [Mezhevich, N., Nogaev, I. (2024). Finland in NATO. The genesis of the current situation and the prospects of its evolution. Sovremennaya Evropa (7): 134–144. (In Russian)]. DOI: 10.31857/S0201708324070118

Надточей, Ю.И. (2016). Оборонное сотрудничество в Европе: субрегиональный уровень // Вестник МГИМО-Университета 3(48): 134–143. [Nadtochey, Yu. (2016). Defence cooperation in Europe: the sub-regional level. MGIMO Review of International Relations 3(48): 134-143. (In Russian)].

Новикова, И.Н. (2020). Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения 13(2): 145–162. [Novikova, I. (2020). Small states in international relations: some theoretical aspects. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya 13(2): 145–162. (In Russian)].

О реальной истории подачи Финляндией и Швецией заявки в НАТО. МИД РФ. 2022. [On the real history of Finland’s and Sweden’s NATO applications. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/maps/fi/1827550/ (accessed 04.01.2026).

«Проамериканское неприсоединение»: Швеция и Финляндия наращивают военное сотрудничество с США. Евразия.Эксперт. 2018. [“Pro-American non-alignment”: Sweden and Finland are building up military cooperation with the USA. Eurasia.Expert. 2018. (In Russian)]. Available at: https://eurasia.expert/proamerikanskoe-neprisoedinenie-shvetsiya-i-finlyandiya-narashchivayut-voennoe-sotrudnichestvo-s-ssh/ (accessed 27.11.2025).